

Хотя наследного принца пока не разжаловали, однако меры императора по искоренению его мощи уже в общих чертах стали ясны: наложница Шу была под арестом в своём дворце, Юн Линь, князь Цзянчжун, также, как и его старший брат, подвергся обвинениям и был заключён во Дворце Наказаний.

Пятый сын императора Юн Шэн благодаря тому, что стал заниматься докладными записками вместо Юн Шаня, воспользовался случаем и безудержно стал повышать в рангах своих людей, вытесняя членов семьи наложницы Шу. Делал он это быстро и безжалостно: то нарочно выискивал ошибки, то беспощадно делал выговор. Почти каждый день кто-то из членов семьи наложницы Шу попадал в беду.

Более того, пусть даже положение женщины ничего не значило, но, когда министры представляли доклад трону, прося снисхождения для наследного принца Юн Шаня, это всё раздражало пятого принца, вызывая ненависть и зависть. Не было и дня, чтобы всё было хорошо.

Неизвестно, о чём в конце концов думает император.

Неужели Юн Шэна провозгласят новым наследником престола?

Однако были ещё новости. Говорили, что император уже в своё время разжаловал прежнего наследного принца, но тем не менее крайне тревожился о старшем сыне, принце Юн Ци, неоднократно посылая людей навещать тяжело больного юношу, кроме того, отец-император часто жаловал сыну лекарства.

Император сам уже болел несколько лет, однако дело наследного принца всё время не давало покоя: сначала провозгласил одного, потом сверг, затем провозгласил другого и в один миг вновь заключил во Дворец Наказаний.

Под, казалось бы, ровным тонким льдом скрывается бурный, стремительный и опасный водный поток. Если перед тем, как сломается лёд, не найти опоры, то поток в любой миг может проглотить человеческую жизнь. Если Огненный император Янь-ди неожиданно опустит руки, в конце концов от чего придётся отказаться? От страны, от трона? И чему тогда следовать?

Эта проблема засела в душе каждого министра, однако никто так и не осмелился вымолвить ни слова.

В императорском дворце подземный туннель был очень тёплым. Вдобавок четыре печки, что находились там, топились от угля, однако тепло словно никак не могло дойти до лежащего на кровати Огненного императора Янь-ди.

На пожелтевшем лице проступал синий оттенок, как у тяжело больного человека.

Голос также звучал устало и слабо.

— Все министры беспокоятся, что Мы когда-нибудь опустим руки, верно?

Ван Цзинцяо внезапно испугался и, поднявшись с расписного фарфорового табурета, поклонился:

— Больному императору следует спокойно отдыхать, а когда пройдёт болезнь, министры, естественно, успокоятся. Зачем говорить такие зловещие слова?

Огненный император Янь-ди усмехнулся:

— В настоящее время стоит поменьше изрекать приятных слов. Мы, правитель, со своим подчинённым всё же больше должны говорить о правде. Не нужно стоять, садись. Мы считаем, что тебе запрокидывать голову очень тяжело.

Тогда Ван Цзинцяо сел на место.

Огненный император Янь-ди спросил:

— Как Юн Линь в последнее время?

Ван Цзинцяо чуть-чуть приподнялся и ответил:

— Его Высочество Юн Линь не исправился, душа горячая, как и раньше. По слухам, он часто ругает слуг, что не проявляют должную внимательность. Во Дворце Наказаний каждого обругал на чём свет стоит. Они даже боятся заходить к нему в камеру. Два дня тому назад Его Высочество Юн Шэн вновь истребовал дело для самостоятельного рассмотрения, Его Высочество Юн Линь разгневался и чуть не столкнул Его Высочество Юн Шэна с лестницы. К счастью, слуги придержали его.

— Юн Шань всё также не отвечает?

— Верно.

— Никому не признался?

— Верно. Его Высочество ни слова не сказал, никого не хочет впутывать.

— Юн Шэн ещё недостаточно опытен для ведущего допрос, кажется, он хочет довести дело до строгого расследования...

Во дворце внезапно воцарилось молчание.

Что-то тяжёлое ударило в сердце старого наставника, и словно густая кровь хлынула к горлу, но учитель сглотнул, не позволяя ей вырваться.

В воздухе сгустилось множество тёмных туч, которые давили, не позволяя вздохнуть.

Немного погодя, поборов себя, Ван Цзинцяо стиснул зубы, ощущая, как трясутся старые ноги.

— Государь, — дрожаще упал он на колени, и хоть под полом был туннельчик, передающий от печки тепло, холод всё же медленно протёк в коленные суставы. Голос Ван Цзинцяо стал немного надрывным, мужчина ненадолго замолчал и, переведя дыхание, сдержанно проговорил: — Наследный принц не в состоянии ещё раз подвергнуться пересмотру дела.

— Почему ты так говоришь?

— Пятый принц поступает непродуманно, применяя тяжкое наказание, а в тюрьме нет лекарей и нет снадобий. Вспомните опасное положение наследного принца. Не проходит ни минуты, чтобы Ваш старый слуга не беспокоился, сидя как на подстилке из гвоздей, а его сердце будто пронзают ножом [1]. — Спокойно говоря каждое слово, Ван Цзинцяо на коленях приполз прямо к кровати и, трясая седой бородой, проговорил: — Наследный принц является основой государства. А если он и впрямь задержится во Дворце Наказаний, как быть Поднебесной? Государь, государь, Вы ниспосланы Небом и мудры, Вы проливаете свет на десять тысяч ли, а Ваш ум как чистое зеркало [2], Вы должны проявить милосердие! Ваш старый слуга... Ваш старый слуга действительно беспокоится...

Огненный император Янь-ди опустил жёлтое лицо и, став грозным и внушительным, но не показывая гнева и злости, с холодной усмешкой проговорил:

— О чём ты тревожишься? Мы объявили его наследным принцем, раскат грома, дождь и росу [3], всё даровали ему. Почему же он попал в такую беду? У Его Высочества наследного принца тоже ум как чистое зеркало, однако он не только не осознал своей вины, порицая себя, напротив, не стремился к покорности и исполняющему высочайший указ главному следователю ни слова не ответил. Просто возмутительно! Хочешь, чтобы Мы сжалились? Он опустил Нас на полступени вниз. Как тут можно сжалиться?

Ван Цзинцяо много лет являлся наставником Юн Шаня и уже давно считал этого ученика будущим хозяином страны; сейчас, раз уж Огненный император Янь-ди высказал решение, старик понял: если не рассказать всё, что таилось в глубине души, то, вероятно, дело тотчас же может усугубиться.

Ван Цзинцяо непрерывно начал кланяться в пол и, заливаясь слезами, проговорил:

— Всё, что говорил государю, это слухи, которые слышал Ваш слуга. Простите слугу за откровенность, но страна драгоценна, престол — важное дело. В сравнении с ничтожными подоплёками императорского дворца, что считается годным? Ханьский дворец развратен, про страсть государя [4] к мужеложству издавна описывалось в исторических книгах, однако эта страсть не помешала У-ди [5] возглавить войско и изгнать гуннов, прославляя доброе имя страны. Разве в мире существует высоконравственный человек? Наследнику престола только шестнадцать, он сдержанный, серьёзный, умный, решительный, умеет разбираться в людях и использовать их, среди всех сынов императора ему нет равных. Иногда он ведёт себя недостойно, и решение государя применить наказание, естественно, является необходимым. Однако, если случится беда и необработанный драгоценный камень разрушится в тюрьме, тогда сложно будет вернуться на правильный путь. Как это можно стерпеть? — Договорив, наставник схватил завёрнутые в шёлк ноги императора Янь-ди, которые свешивались с кровати, и разрыдался во весь голос от боли и волнения.

Огненный император Янь-ди молчал, Ван Цзинцяо горько плакал, держа его ноги. Спустя долгое время император с неподвижно-каменным лицом сказал:

— Наставник, встаньте, такое поведение государственного министра оскорбительно.

— Государь...

— Мы утомились. Не стоит больше затрагивать это дело, ты можешь идти.

— Государь!

— Иди, иди. — Огненный император Янь-ди вздохнул и призвал слуг: — Помогите старому наставнику и уведите его, снаружи сильный ветер, а он весь покрылся потом, нельзя, чтобы его продуло. Принесите Наше расшитое длинное платье на подкладке и наденьте на него, затем отправьте наставника домой.

Придворные немедленно проронили: «Слушаемся». Подойдя с двух сторон, они аккуратно подняли стоящего на коленях на полу старого министра. Глядя на нынешнюю ситуацию, Ван Цзинцяо понял, что Огненный император Янь-ди не в состоянии продолжать разговор, поэтому вытер слёзы и был вынужден поклониться в знак прощания. С помощью слуг дрожащий силуэт покинул комнату.

Император проводил взглядом Ван Цзинцяо, двери в зал вновь закрылись, вокруг не было ни души, и мужчина, тихо вздохнув, приказал:

— Выйди. — Голос был полон усталости.

Висящая занавеска поднялась, и из-за неё медленно вышел человек: им неожиданно оказался седовласый придворный лекарь Чэнь, который являлся доверенным лицом Огненного императора Янь-ди.

Император велел ему взять стул и подойти ближе. Приблизившись, мужчина сел, чтобы подробнее обсудить произошедшее. Огненный император Янь-ди сказал ему:

— Янь Сян, ты слышал, что сказал Ван Цзинцяо. Что ты думаешь по этому поводу?

— Это является домашними заботами Вашего Величества, и Ваш слуга... не смеет говорить глупости.

Огненный император Янь-ди горько усмехнулся:

— Предложил план ты, а решение выносим Мы. Мы в душе досконально обдумали это дело, ты смело можешь говорить, Мы хотим послушать.

Придворный лекарь Чэнь, услышав слова императора, сел прямо и перед тем, как открыть рот, как следует подумал и только тогда проговорил:

— Раз уж государь хочет услышать, что скажет Ваш слуга, тогда старый слуга будет говорить без прикрас. Все слова наставника Вана — это слова преданного государству вассала.

— Хм, говори дальше.

— Не только государь, но и все министры в душе видят, что наследный принц Юн Шань прекрасная кандидатура. Ваш слуга раньше лишь замечал, что он умный и смелый, решительный и проворный, но Ваш слуга никак не думал, что в нём окажутся ещё три поразительных и изумительных черты характера.

— М?

Правитель вместе со своим слугой ладили и откровенничали около десяти лет. Сам же придворный лекарь Чэнь по характеру был безэмоциональным и замкнутым, никогда не был опрометчивым и хвастливым, но сегодня он неожиданно проявил такое почтение к Юн Шаню, что эта высокая похвала даже Огненного императора Янь-ди несколько изумила. Немного поколебавшись, император с натянутой улыбкой спросил:

— Не одна поразительная черта, а, как оказывается, целых три? Ты говори, Мы слушаем.

— Первая — это сдержанность, — придворный лекарь Чэнь смело заговорил. — У наследного принца терпение превосходит других. Он хладнокровен и ведёт себя как человек высших моральных качеств. Будучи уважаемым наследником престола, он вдруг оказался запертым во Дворце Наказаний, столкнулся с предумышленным убийством, караемым смертной казнью, был допрошен под жестокими пытками, но сумел повести себя достойно. Он не сказал того, чего не следовало, не предоставил повода, вплоть до того, что даже не попытался послать письма, чтобы связаться со старыми родственниками, тайно строя планы и прочее, он

преданно и спокойно ждёт действий государя. Такая сдержанность действительно очень редка. Ваш слуга, у которого жёлчный пузырь величиною с целый ковш [6], говорит грубо и неприятно, это такому же в летах императору навряд ли сможет принести какую-либо пользу.

Лично делать сравнение с императором, вероятно, мог лишь находящийся сейчас перед его глазами лекарь Чэнь.

Император не обиделся, наоборот, слегка улыбнулся:

— Какая же вторая черта характера?

— Вторая — это подавление.

— Как объяснишь?

— Государь, этот наследный принц может страдать. — Придворный лекарь Чэнь глубоким взглядом посмотрел на императора и вздохнул: — Все эти годы Ваш слуга получал государев наказ постоянно наблюдать за сынами императора. Внешне Его Высочество Юн Шань суровый и жестокий, но внутри пылает, как факел. Страдания и горечь он все таит в себе, он с твёрдой решительностью терпел осуждения, а множество раз пробуя вкус печали, он также не проронил ни слова. Это совершенно не просто, и многим людям это не под силу. От человека, умеющего блаженствовать, Поднебесная терпит бедствие, а от человека, хлебнувшего горе, в Поднебесной царит благополучие. Если императору не нравились все природные задатки Его Высочества Юн Шаня, то почему ради возведения его в ранг наследного принца, чтобы было меньше пересудов, государь тотчас же постарался и проявил жестокость, стиснув зубы, бросил ни в чём не повинного старшего сына на погибель?

При упоминании о прошлом на ровном лице Огненного императора Янь-ди наконец-то появилось немного эмоций.

Чтобы не потерять сдержанность перед старым министром, мужчина отвернулся и, помолчав какое-то время, повернулся обратно:

— Мы хоть и не хороший отец, но тоже знаем характер всех своих детей. Юн Шань уже разбирается в делах, но в то же время не разбирается в жизни. Кто знает, что Мы, пожилой отец-император, неизвестно сколько потратили душевных сил ради его будущего, а его, как назло, угораздило всё усугубить. И всё же, с трудом держась, он не склонен покоряться. Пока он во Дворце Наказаний, пусть хотя бы пересмотрит свои намерения, только тогда Мы выпустим его, а Юн Ци отправим в пожалованные земли. С этими двоими ничего не случится. Разве это будет не благополучным финалом? Это не Мы хотим подвергнуть его наказанию, очевидно, что он сам хочет быть наказанным, раз не говорит ни слова в ответ, решительно защищая старшего брата, — раздосадовано вздохнул император.

Придворный лекарь Чэнь, выслушав слова Огненного императора Янь-ди, сказал:

— Его Высочество наследный принц своим молчанием хоть и сильно огорчил государя, однако это и есть третья уникальная черта его характера, вызывающая у Вашего старого слуги огромное восхищение.

— Строптивость? Или безрассудство?

— Доброта.

— Что?

— Доброта! — Придворный лекарь Чэнь слегка повысил тон, в котором скрывалась твёрдость, и с достоинством проговорил: — Ни слова не сказал, молча защищая небо и землю и обеспечивая безопасность Его Высочеству Юн Ци. Разве это не сохранность другого? Иначе наследный принц, открыв рот, стащил бы в воду и Его Высочество Юн Шэна, это ещё больше усугубило бы состояние дел. Родителям, друзьям, главе Поднебесной, братьям и всем остальным это тотчас же принесло бы неприятности. Наследный принц внимателен, и у него доброе сердце, он оправдал данное ему государем имя «Шань» [7]. Это как «совершенномудрый бесчеловечен»: он не думает преследовать свои собственные цели, обладая широким сердцем, он оберегает всё сущее на земле.

Огненный император Янь-ди рассмеялся и, махая руками, проговорил:

— Приятные речи, которыми даже ты воспользовался. Мы спрашиваем тебя: Ван Цзинцяо тайком встречался с тобой?

Придворный лекарь Чэнь немедленно поднялся и, опустившись на колени, проговорил:

— Действительно встречался. Он заботится о наследном принце, это его обязанность как наставника. У государя, не покидающего своего дворца, душа светлее, чем у кого-либо, дела придворных министров нисколько не утаить от Вашего Величества.

— Ох, снаружи скопилась гора докладных записок, где просят пощадить Юн Шаня. Все они были перехвачены Юн Шэном, который думает, что Мы глупы и находимся в блаженном неведении. Даже вы, мои старые слуги, пускаетесь на хитрости: один играет на чувствах, другой обращается к здравому смыслу. Неизвестно, какую услугу предоставил вам Юн Шань, заставив вас действовать так решительно и бесповоротно.

Огненный император Янь-ди понял лекаря Чэня, как мог придворный лекарь Чэнь не понять государя?

Услышав в голосе императора лёгкий гнев, старик не растерялся, лишь низко склонив голову, проговорил:

— Просто Ваш слуга беспокоится.

— У наследного принца крылья оперились, по крайней мере Наши подданные помогают ему взывать к справедливости. О чём же беспокоиться? Уйди.

Придворный лекарь Чэнь хотел ещё что-то сказать, но промолчал. Подумав, старик, поклонившись в землю, сказал:

— Разрешите Вашему старому слуге покинуть Вас. — Ещё раз поклонившись, лекарь, не говоря ни слова, отступил назад и вышел.

Огненный император Янь-ди сидел на кровати, долго не двигаясь.

В конце концов уголки глаз дрогнули и, подняв взгляд, мужчина тихо позвал:

— У Цай.

Ожидавший за дверью евнух спешно вошёл, семенящим шагом подошёл к кровати, поклонился и, затаив дыхание, спросил:

— Какие будут распоряжения, государь?

— Как Юн Ци в последнее время?

У Цай поморщился, хмуря брови, и с осторожностью ответил:

— Получив приказ, Ваш слуга несколько раз ходил проводить Его Высочество. Болезнь Его Высочества Юн Ци стала ещё тяжелее, государыня Ли, не ослабляя пояса [8], сидит возле кровати, присматривая за ним, и тоже исхудала.

— Юн Ци ничего не говорил?

— Нет.

— Ничего не сказал? Или не может вымолвить ни слова?

— Это... — У Цай ненадолго замялся, а потом прошептал: — Согласно тому, что видел Ваш слуга, Его Высочество хочет сказать, только болезнь слишком сильная, что у него даже сил нет вымолвить словечко. Каждый раз, когда Ваш слуга навещал его, Его Высочество лежал в кровати и просто плакал. Ещё однажды он крепко схватил Вашего слугу за рукав, и долгое время его губы дрожали, но в итоге он ничего не смог сказать. Государыня говорила, что

болезнь ослабила Его Высочество, и если он откроет рот и станет говорить, то его жизненный дух уменьшится, поэтому Ваш слуга не осмелился слишком задерживаться.

Огненный император Янь-ди слегка опустил взгляд.

— Государь?

— У Цай, — внезапно проговорил император.

— Ваш слуга здесь.

— Пойди в хранилище и выбери недавно подаренные генералом Чжэнь Бэем два хороших корня старинного горца перечного, взятого с горы Чанбайшань [9] и отнеси Юн Ци.

— Слушаюсь.

— Ты лично возьмёшь их и отправишься навестить Юн Ци. Понял?

— Ваш слуга понял.

Отдав все распоряжения, Огненный император Янь-ди вздохнул и устало махнул рукой, приказывая У Цаю уйти.

Примечания:

[1] Обр.: быть поражённым скорбью; сердце кровью обливается.

[2] Обр. в знач.: просвещённый.

[3] Сильный гнев и благодать.

[4] Учитель говорит про императора Ай-ди. По преданию, ханьский император Ай-ди оторвал рукав своего одеяния, который оказался под телом спавшего рядом с ним фаворита, чтобы, вставая, не потревожить его сон.

[5] У-ди (156-87 гг. до н.э.) — седьмой император династии Хань.

[6] Обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

[7] Добрый, хороший.

[8] Обр.: не имея времени даже на сон.

[9] Кит. Байтоушань, кор. Пэктусан, Чанбэксан — гора на границе Китая и Кореи.

<http://bllate.org/book/13372/1189616>